

# СРАЖЕНИЕ ЗА СПЕКТАКЛЬ НУЖНО ПРОДОЛЖИТЬ

...Умирает последняя из пяти-рых пошедших на задание де-лушек — Рита Осанина, умира-ет на руках старшины Вас-кова. Васков — хороший сол-дат, во он остался жив, а пя-терых бойцов погубил. И он го-ворит: «Пока война — понят-но. А когда мир будет? Будет понятно, почему вам умирать приходилось?».

Спектакль начался неожида-но весело. Когда на сцену вы-бежал юноша и сказал, обра-щаясь как бы в зал: «Привет, старик!» — весь зал дружно засмеялся и закричал.

— Привет! Зарасток!  
Как часто говорят в театре о контакте со зрителем, ищут его, радуются его возникнове-нию. И вот он позник. «Привет!» Куда ж оченднее?

Осветилась сцена. И с этого момента возникла первая тре-вога за судьбу спектакля.

С далних арсенал поднятия запасаха в театре — момент торжественный, момент ожи-дания, требующий тишины.

А в этом зале свет на сцене вызвал новую волну оживле-ния, шума. Будто для того только пришли сюда четыреста человек, чтобы увидеть друг друга, потоптаться, погубиться. Премьера — просто повод. И первые аплодисменты в зале прозвучали как раз после весе-лого приветствия, которым обменялись актер В. Быков, ки-

равший юношу, и юные зрите-ли. Аплодисменты, в общем-то, самим себе, своему веселью, общительности.

Но ничего же особенно пло-хого не произошло. Вот дейст-вие набирает силу — и событ-е это упование зала самим собой, поставит все на свои места: зрители станут зрителями и центр тяжести происходящего переместится на сцену. Каза-лось, ребята, сидевшие в зале, в большинстве своем как раз из тех, кто, приходя в библио-теку, просит книжки «про вой-ну или про пилюнов». И хотя бы один тот факт, что пьеса — про войну, должен была припо-рожить, заставить быть внима-тельными.

Но очень эта война на сцене не совпадала с тем, как пред-ставлялась ее мальчишкам и девоч-кам, сидевшим в зале.

Почему же совпадала?

...На тихий рыдзед прислыша-ют полувзвод, данишек-зешит-чик. Прислышат же смолу зо-лингишам, которые в глухома-нистых этих и далеких от пе-редовой местах со скуки запи-люют и по четыре раза на ме-сяд срыпывают дни рождения у немногих оставшихся в по-садке гражданков. Обо всем этом командант старшина Вас-ков рапортовал командования. И дорапортовался: прислал девушек. Тогда-то и началась у Федота Виграфовича беспкой-

ная жизнь. Без стука в казарму не ходил, глаз ни на кого не поднимал — засмеют, в выр-д строю по именам выкаляют: «Катя, Маша — разодились». Насмешица под устком! А в ос-тальном на раздезде все оста-валось по-прежнему спокойн-ое, и зорь — тихие. Пока не уми-дела сержант Рита Осанина, возвращаясь из самопола, двух немцев. Ночью, в лесу. И от-правилась ловить этих двух францев старшина Васков с пятью деушниками...

Нет ничего плохого в том, что ребята книжки про войну любят. И вряд ли они читали только такие, где ничего, кро-ме пальбы и героических подв-игов, нет. Да ведь и повесть Б. Васильева «А зори здесь ти-хие...» была написана на «Юности», журнале популяр-нейшем, читателем которого — такие же точно ребята, как и засмедавант нашего театра юпо-го зритель. И я не могу себе представить, чтобы хоть у кого-нибудь из прочитавших повесть моевое, пусть даже забавное начало ее выглядело бы такой эффект, как первое действие спектакля. Казалось, покажи сейчас заслуженный артист республики В. Степанов, ири-ский Федота Васкова, палец за-лау — ребята прямо умрут со смеху. Аплодисменты вспыхи-вали по совершенно пелемим, исподпатым поводам. Хотелось

иногда встать и закричать: «Да погодите вы! Сейчас важное будет. Вы не о том смеетесь!».

Я читала повесть, была на сдаче спектакля. И ждала мо-мента, когда зрителям будет просто не до смеха, когда для старшины Васкова и пяти его малоомощных бойцов станет ясно, что ловят они не двух францев, пробравшихся с то-лом к железной дороге, а ше-стидцать вооруженных до зу-бов фашистов. И вот бы, этот момент.

— Один, два, три, чети-ре... На мрповение установи-лась в зале долгожданный ти-шина зитишник. Пошла тиши-на, и то время как, пятак я бледней, пятеро деушек с вли-топками образца 1898 дробь 1930 года и старшины с нате-ном считают своих ирагов, глядя понерх плеч сидищих в зале.

И вдруг по залу пронесся леуловоый смехок. Уж очен-тально похоже, что зритель счи-тывают. И, наконец, насмеши-тельный мальчишеский голос про-звучал:

— А нас тут много...

Во втором действии, когда для старшины и его отряда ечалась жизнь ползком, на-чалась стрельба из автомата, стали одна за другой гибнуть деушники, зал погритых. И аплодировать стали уже не просто тогда придется, а по-сле особенно яростной стрель-бы. Смеласи, конечно, поти-хопку, когда высласи Васков со сцену одну за другой туби-тых (а ва самом-то деле жиде-хоньких!) артисток, но уже так, между прочим. А в конце очен-тально хлапала. Можно ска-зать, с успехом прошла премье-ра.

Как же это получилось?  
Борис Васильев написал по-весть, многие ее читали, топи-рият: «Сердце от все шемит.

Повесть не «о плахих бойцах» (именно так, судя по разгово-рам и анкетам, решили многие зрители). Скорее уж о хоро-ших людях, о деушках, кото-рые стали бойцами. И пятеро из них погубил на глазах стар-шины Васкова и наших в их, читательских. Историю их гибели услышала от Васкова, приехавшего через четверть пе-ка из места старых боев, юпо-ца, который родился после войны. Услышала историю гиб-ля. И тогда только впервые за-метила, какие в самом деле ти-хые зорь в этих местах. И на-писала об этом письмо споему другу, которое печналось сло-вами: «Привет, старик!».

Так почему же ничего этого не услышали и я не поинил ра-бота в зале? Актеры вино-ваты?

Но бывала минута, когда Лиза Бричкин (арт. Н. Амсо-на), Гала Четвертак (арт. Т. Степно) друг оживали, ста-новились настоящими, теми са-мыми, из повести «А зори здесь тихие...». Бывали минуты, когда музыка (точно найден-ная С. Шихонина), музыка зев-нящей тишины тех зорь за-ставляла прислушаться зал.

Может, пьесе не хватало ан-таторского голоса, авторских от-ступлений, без которых пове-сть немислалма? Однако кто по-лучается, что я в лучшей ин-сценировке не повторится то все с самой первой минутой, когда осветилась сцена, а зал это и выманила не обратил.

Условность современного те-атра требует особенно тща-тельной продуманности, отчет-ливости режиссерского реше-ния спектакля. Сцена открыта, максимально придвинута к за-ду. Зритель немольно стано-вится почти соучастником дей-ствия (и для этого зритель в ТюЗе как раз самый подхо-дя-

щий — молодой и общитель-ный). Но ничего этого, как мне кажется, и расчет зыто не бы-ло. Дело даже не в легко по-правимых режиссерских про-счетах, как в конце первого действия. А в смешении край-ней условности (поднимаются березы, монологи умираю-щих деушек, выход немецких солдат под олаушительное «Зик хайла!») с совершенно реалистическим решением спек-такля в целом. Получается ка-кая-то путаница, и неправдой становятся те условные моно-логи, и та «жизнь ползком», когда актеры проползали на животе по шизкой сцене, а зал встает с мест, чтобы на это поглядеть и... посмеяться. То, что в повести страшно... сти-нотся смешным! Ясная и действительно пелемая сер-дце повесть о жестокости, не-лепости войны, о невинности людей хороших перед апериями ее законами, о любви к Родине становится не-пойнтной.

Мы все живем в мире, том самом мире, который ждали по-сле войны, о котором гово-рили старшина Васков. И необ-ходимо, действительно необхо-димо, чтобы услышан был его вопрос тем, кто после войны родился и помнить поэтому ви-чего не может, вопрос — по-чему умирать приходилось? Должны они побывать там, где зорь были тихими, услышать, какая хрупкая эта тишина, почувствовать, чего стоило от-стоять ее.

Примера — это только на-чалос.

У режиссера С. Либмана, у хлактеля театра юного зри-теля еще не окончено сражени-е за спектакль. Пропустят это сражение они не имеют пра-ва. Сражение за спектакль надо продолжать.

А. ВЕРДИЧЕВСКАЯ